

газовые законы и периодическая система». Следующий раздел автор называет «Специальная часть». Здесь излагается следующий материал: «Водород», «Металлоиды VII, VI, V и IV групп» и «Соединение металлоидов между собою».

Дальше следуют металлы. Сначала их общий обзор, а затем изложение по группам: I, II, III, IV, V, VI VII и VIII. И наконец в качестве приложения (!?) «Радиоактивные вещества».

Уже самое расположение материала учебника указывает на исключительно формальный, абстрактный подход автора к науке.

Теоретические вопросы химии, т. е. основные законы и понятия, излагаются в начале учебника без связи с самими химическими процессами. Отсюда их постулативный и по существу фетишизированный характер. В изложении вопросов о материи, об энергии, о массе автор путает и дает грубо неверные, иногда открыто махистские формулировки.

«Механическое воздействие (раздражение) на тот или иной орган чувств субъектируется затем как определенное ощущение, а последнее объектируется в качестве «внешнего» мира» (стр. 15).

Т. е. материя это то, что объектируется в качестве внешнего мира из определенных ощущений. Это прямо по Маху и даже по Беркли. Только стиль последнего лучше и язык понятнее, чем у автора. Беркли пишет, что «объекты не существуют «вне ума» — они суть «комбинации ощущений». Материализм же признает объективное существование объектов независимо от ощущений.

Если автор в толковании материи становится на махистские позиции, то в изло-

жении законов химии и химических процессов он метафизик и эмпирик. Он метафизически разрывает материю и энергию и резко разграничивает физические явления от химических, видя только их различие, не понимая перехода одних форм движения материи в другие.

В отличие от учебника Стародубцева учебник Реформатского «выдержан» в стиле учебника, не имеет ошибок в изложении фактического материала и внешне сравнительно хорошо оформлен.

Но ни тот, ни другой учебник не отвечает требованиям советской школы в условиях завершения последнего года пятилетки, в условиях развернутого строительства социализма. Первый тип учебника, довольно распространенный за последнее время, отражает «левачьи» настроения в педагогике, в то время как учебник Реформатского, являясь типичным учебником, следующим традициям старой догматической школы, находит себе последователей среди правой части педагогов.

Решение ЦК ВКП(б) о средней школе вызвало подъем активности среди основной массы школьных работников. Оно вносит ясность во все основные вопросы школьной работы и тем самым вооружает и организует на борьбу как против подмены систематического прочного усвоения наук отрывками знаний, так и против возрождения и сохранения старой догматической школы.

Постановление ЦК мобилизует на борьбу за подлинную политехническую школу, являющуюся орудием полного уничтожения деления на классы, орудием коммунистического перерождения общества.

Учебник надо переработать

И. Масленников

И. В. ЛАСКИН и С. А. ЕЗЕРСКИЙ. — Краткий курс аналитической химии (качественный и количественный анализ). ГИЗ, изд. 2-е, 1931 г., 197 стр., ц. 1 р. 25 к.

Рецензируемая книжка написана работниками Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства (Омск). Качественная часть написана И. В. Ласкиным, количественная — С. А. Езерским.

Выпуская курс аналитической химии, авторы

имеют целью (об этом они говорят в предисловии) дать руководство при изучении этой дисциплины студентам тех вузов, в которых «учебными планами отводится мало времени аналитической химии». Вузы подобного типа конечно очень нуждаются в соответствующих руко-

водствах по аналитической химии и учебным пособиям нового типа.

Студент, начинающий изучать аналитическую химию по учебнику Ласкина и Езерского, получит действительно сжатое руководство для эмпирики в лаборатории. Учитывая это «специальное» назначение книжки, мы подойдем сначала к рассмотрению помещенного в ней фактического материала с точки зрения требований научного и методологически правильного изложения теоретических основ этой дисциплины.

Отвечает ли учебник Ласкина и Езерского этим требованиям? Прежде всего эта книжка ни в какой степени не знакомит студента с прогрессом аналитической химии. Об этом авторы даже не упоминают в ней ни единым словом, тогда как этот момент для такого учебника безусловно обязателен даже там, где учебными планами отводится мало времени аналитической химии.

Значение теоретического материала «общей части» курса для аналитической химии показано авторами нечетко. С этой стороны учебник не удовлетворяет новым требованиям.

Но может быть пробелы «учебной» части книжки Ласкина и Езерского искупаются четкой идеологической установкой учебника? Но и с этой стороны дело обстоит весьма неблагоприятно: книжка написана в стиле «строго выдержанной» беспартийности в науке. В ней нет ни одного момента, по которому можно было бы определить, что она предназначена для учащихся СССР. Исписав 200 страниц, оба автора ни разу не догадались упомянуть о строительстве социализма в СССР,

о той роли аналитической химии, которую она играет и которую призвана играть в этом строительстве. И это — в то время, когда советская действительность дает для этого богатейший материал.

Книжки подобного типа не могут должным образом подготовить советского специалиста-практика, понимающего политику партии и готового бороться за ее осуществление.

Вот почему учебник Ласкина и Езерского не может быть безоговорочно рекомендован как массовое пособие для вузов. «Беспартийный дух» учебника является проводником «особой партийности», противопоставляющей политике партии аполитичные «научные» теории, выгодные буржуазии, которая проводила, как известно, политику отрыва теории от практики.

Рецензируемый учебник является образцом правой тенденции в деле создания советского учебника по аналитической химии.

Широкое распространение этого аполитичного учебника лишний раз подтверждает, что в нас отсутствует какая бы то ни было систематическая работа по линии создания нужного нам учебника аналитической химии (и вообще по химии).

Всестороннее рассмотрение руководства под углом зрения исправления всех ошибок могло бы избавить эту книжку от весьма существенных ее недостатков. Только тогда она могла бы претендовать на роль нужного руководства для тех вузов, для которых она предназначена авторами.

О новом учебнике по математической статистике

Б. КЕДРОВ

Теория математической статистики. — А. Боярский, В. Ставропольский, В. Хотимский, Б. Ястремский, — под редакцией проф. Хотимского и Ястремского. Изд. 2-е, 1931 г.

Задача дать действительно марксистско-ленинскую теорию математической статистики — задача очень ответственная. В эту задачу входит вооружение практика социалистического

строительства, — практика-статистика в первую очередь, — правильной революционной теорией, развернуть непримиримую борьбу на базе марксистско-ленинской теории с буржуаз-

1 Помещая рецензию т. Кедрова на книгу тт. Боярского, Ставропольского, Хотимского и Ястремского «Теория математической статистики», редакция отмечает заслугу авторов книги по борьбе с вредительством в статистике и с примиренчеством к нему со стороны т. М. Н.

Смит. Одновременно с этим редакция считает критику их книги со стороны т. Кедрова в основном правильной и вскрывающей как положительные стороны, так и недостатки книги. Редакция приглашает товарищей высказываться по указанным вопросам.

ными теориями, ибо без этого «невозможно добиться полной победы над классовыми врагами» (Сталин).

Большим достижением авторов является то, что эту задачу они сознательно перед собой поставили, сделав таким образом первый серьезный шаг в сторону создания нового марксистско-ленинского учебника в области естественно-математических наук. В свете существующих буржуазных теорий статистики, на фоне всевозможных учебников и руководств, целиком стоящих или в основном скатывающихся на позиции типично буржуазных теорий (что в частности характеризует работы М. Смита), рецензируемая книга, вышедшая первым изданием летом 1930 года, представляла тогда безусловно положительное явление, поскольку она пыталась бороться с враждебными теориями в области статистики, поскольку она ставила задачей сознательно ориентировать теорию статистики на практику социалистического строительства.

Прежде всего авторы разоблачают буржуазную науку, которая, прикрываясь чисто математическими приемами, например с помощью подыскания соответствующих кривых и уравнений, замазывает и извращает действительность в интересах враждебного нам класса. Подобная фетишизация математических методов, как известно, явилась неотъемлемой составной частью методологии вредителей социализма. Поэтому авторы правильно делают, что главный удар направляют именно против фетишизации математики, против некритического переноса ее методов на все области изучения природы и общества, против недооценки, а подчас и полного игнорирования, специфического для каждой науки анализа.

«В буржуазной науке,—пишут авторы,—блеск математических формул использовался для прикрытия убогости (только ли убогости, а не реакционности прежде всего?—Б. К.) всевозможных экономических построений» (стр. IX). Поэтому авторы подчеркивают, что «правильное применение статистического анализа к определенному материальному объекту (процессу) требует предварительного анализа его конкретного своеобразия, раскрытия «своеобразной логики своеобразного предмета» (Маркс) и знания законов, лежащих в основе предмета» (стр. VII).

Далее авторы пытаются с точки зрения новых условий, созданных революционной практикой (плановое хозяйство, коллективизация и т. д.), пересмотреть все до сих пор применявшиеся приемы собирания и обработки статистического материала и создать новую теорию статистики, отвечающую новой обстановке. Это необходимо отметить как положительную сторону работы авторов в связи с их трактовкой учения о средних. Учебник имеет также целый ряд достижений в части подбора фактического материала и некоторых специальных вопросов, касающихся статистической работы в условиях строительства социализма.

Но особенно необходимо подчеркнуть как крупнейшую заслугу авторов тот факт, что они поставили своей задачей решительную борьбу с вредительскими теориями Базарова, Кондратьева и др., начав эту борьбу еще до раскрытия вредительских организаций. Это при-

дает учебнику большой политический интерес и сообщает актуальную политическую заостренность трактуемым в нем проблемам. Особенно важно подчеркнуть эту борьбу авторов с враждебными теориями в связи с притуплением большевистской партийной бдительности у некоторых членов партии, в частности у т. М. Смита, которая в своих работах прямо выдавала идеи Громана за самые научные и передовые.

Однако недостатком рецензируемого учебника является то, что весь разбор установок вредителей сосредоточен главным образом в предисловии ко 2-му изданию, датированном 25 сентября 1931 г., которое представляет простую перепечатку докладов, сделанных авторами год тому назад в Комкадемии и напечатанных в «Плановом хозяйстве» № 10-11 за 1930 г. и затем в сборнике «На борьбу за материалистическую диалектику в математике». Эти доклады механически вложены в учебник для того, как пишут авторы, «чтобы наглядно продемонстрировать методы вредительской работы» (стр. XVIII). В самом же учебнике, который представляет, с небольшими изменениями, перепечатку первого издания 1930 года, борьба с вредительскими теориями ведется крайне слабо и часто с неверных теоретических позиций. Укажем, что сами авторы при этом впадают в противоречие между тем, что они пишут например о скачках и кривых двух периодов социализма в предисловии, и тем, что написано в связи с этим в последней главе учебника.

Никогда весьма важной и ценной является попытка авторов построить весь учебник на основе диалектического материализма: «Первая задача (борьба против буржуазной методологии),—пишут авторы,—осуществлялась на основе решительного пересмотра наследия буржуазной науки с точки зрения диалектического материализма» (стр. X).

Метод диалектического материализма авторы призывают по каждому поводу, пытаясь взять его за отправной пункт для своих теоретических построений.

Здесь снова необходимо противопоставить работу четырех авторов работам М. Смита, которая прямо скатывается на позиции буржуазных теорий статистики, открыто пропагандируя идеи буржуазных ученых (Боули и др.). В целом, с философской стороны, установки М. Смита представляют эклектическую смесь общей тенденции, идущей по линии идеалистической (в основном) ревизии марксистско-ленинской философии, с рядом механистических ошибок.

Но в отношении разбираемой работы четырех авторов к сожалению нужно констатировать, что правильно намеченная задача—создать боевой марксистско-ленинский учебник—оказалась не по силам нашим товарищам главным образом по причине непонимания и недооценки работ основоположников марксизма-ленинизма. Вследствие этого не могли быть реализованы в учебнике лучшие намерения авторов.

Учитывая, что мы имеем дело с первой серьезной попыткой создать новый тип учебника, с попыткой, которую необходимо всемерно поддержать и развить, мы не можем однако пройти мимо основных методологических ошибок учебника. Упор на методологическую сторону мы также делаем и по-

тому, что сами авторы неоднократно претендуют на исчерпывающее диалектико-материалистическое разрешение всех трактуемых ими вопросов. Вскрывая ошибки авторов, мы тем самым стремимся помочь им в исправлении и переработке ими всего учебника.

Мы уже говорили, что авторы правильно нащупали методологические корни тех извращений, которые свойственны буржуазной науке; однако со своей стороны они не сумели развить и противопоставить правильную марксистско-ленинскую трактовку проблемы. Вследствие этого они не смогли полностью справиться с разоблачением известного вредителя Базарова, связывавшего с фетишизацией математики свои контрреволюционные установки.

Отметим прежде всего путаницу и прямые механистические ошибки у авторов в вопросе о скачках.

Последний сводится у них только к графическому виду кривой: если на ней есть излом, то этим кривая выражает скачок; если же она представляет более или менее плавную кривую, она годится только для «эволюционного» движения.

«Самое применение непрерывных плавных кривых для выравнивания динамических рядов,—пишут авторы,—может вызвать возражение с точки зрения диалектического учения о скачкообразности развития. В самом деле и параболы, и геометрическая прогрессия, и другие подобные им кривые не оставляют места (?) для революции (!), а рисуют движение как эволюционное (авт.)... Если всякое развитие скачкообразно, то между двумя последовательными скачками и лежит тот отрезок времени, к которому вполне применимы плавные урвни. Это—периоды, когда накапливаются количественные изменения перед тем, как количество переходит в качество» (стр. 425. Подчеркнуто автором).

«Представление о циклах как о плавной кривой такого рода, как на черт. 12 (изображена синусоидная кривая.—Б. К.), господствующее у американцев, неверно. Циклы, как уже говорилось, имеют вид «не складчатых, а массивных гор (см. черт. 13)» (изображена кривая с заостренными вершинами.—Б. К., стр. 427).

Исходя из этой чисто математической точки зрения на скачки, не являющейся конечно правильной, авторы и критикуют взгляды вредителя Базарова, точно так же фетишизирующего математику. Авторы критикуют Базарова за то, что он не понимает скачкообразности развития.

В чем же выразилось это, мягко выражаясь, «непонимание» Базаровым скачкообразности развития? Оказывается, только в том, что вместо изогнутой под углом кривой он применил плавную S-образную кривую для изображения двух периодов социалистического строительства:

«Главная вина (подч. мною.—Б. К.) Базарова в этой работе в смешении восстановительного и реконструктивного периодов, в стремлении охватить оба периода одной (подч. авт.) плавной кривой. Между тем переход от восстановления к реконструкции и представляет собой скачок в развитии: см. черт. 11» (на чертеже изображена одна кривая, изогнутая

S-образно, при чем совершенно непонятно, что должна выражать собой эта кривая, ибо авторы не указали, что отложено по координатным осям.—Б. К.).

«Только одновременность этого скачка для различных отраслей хозяйства, различных районов и т. д.,—продолжают авторы,—создает при соединении их вместе видимость плавного развития. Задача исследователя же заключается здесь не в том, чтобы, обрадовавшись (?) этому последнему обстоятельству, применить сюда плавную кривую, а в том, чтобы как можно ярче выявить этот скачок...»

Наконец следует сказать, что в распоряжении статистика, сколько-нибудь знакомого с математикой за пределами назгаемой обычно в элементарных учебниках аналитической геометрии, имеется множество кривых, могущих прекрасно показать и скачки (подч. мною.—Б. К.).

Отметим хотя бы:

$$Y = a_0 + a_1 X + a_2 X^2,$$

которая при должном подборе параметров a_0, a_1, a_2 может полностью (!) отобразить изображенный на чертеже скачок при переходе к реконструкции» (стр. 426).

Эти рассуждения показывают, что сами авторы совершенно неправильно, по-механистически трактуют учение о скачках и вследствие этого не замечают источника базаровских извращений.

Желая ударить по Базарову, авторы однако бьют с неверных позиций, и поэтому по существу они бьют мимо цели, мимо базаровской фетишизации математики, мимо его произвольного использования всяких математических и термодинамических формул, под прикрытием которых Базаров протаскивал свои вредительские установки. Более того, видя «главную вину» Базарова в выборе одной формы кривой вместо другой, они сами скатываются на позиции Базарова, на позиции фетишизации математики. И авторы не замечают того, что они и по форме следуют за Базаровым, когда вопрос о качественном различии двух периодов они сводят к подбору параметров в уравнении (!).

Такая «критика» с позиций механицизма отнюдь не помогает полному разоблачению методологии вредительства.

Авторы не поставили основного вопроса о внутренних закономерностях развития социалистического хозяйства; они оперируют исключительно внешними количественными показателями, которые, взятые сами по себе, без специфического экономического анализа, о чем так часто повторяют сами авторы, не могут дать ответа на вопрос о скачке.

II

Ставя перед собой задачу «бороться с господствующими в теории статистики чуждыми марксизму и враждебными ему идеологическими установками» (стр. 81), авторы учебника выступают против махизма как одной из наиболее распространенных среди верхушки буржуазных ученых разновидностей философского идеализма.

«Методологические ошибки их (наших классовых врагов.—Б. К.),—пишут авторы,—сводятся

ся к уже упоминавшемуся выше фетишизированию математики и игнорированию качественного анализа. Это игнорирование — прямое следствие философии товарного фетишизма — махизма (стр. X). Но для того, чтобы правильно и последовательно бороться с махизмом, сами авторы должны конечно иметь совершенно отчетливое представление о сущности махизма. Но как раз суть махизма они представляют совершенно неверно. Для них махизм есть философия «принципиального скольжения по поверхности», философия лентяев, не желающих по-настоящему подойти к научному исследованию и придумывающих всевозможные «легкие» способы, как бы отделаться от «трудных», специально научных вопросов.

«Пирсон в своей философии — последователь Маха, — пишут авторы. — И будучи махистом он принципиально ограничивается скольжением по поверхности явления» (стр. 185. Подч. мною. — Б. К.).

В другом месте они замечают: «Так может говорить только махист, возводящий в принцип скольжение по поверхности явления» (подч. мною. — Б. К.). Авторы не жалуют «крепких» эпитетов по адресу наших идеологических врагов; но беда в том, что они по существу этим только и ограничиваются.

Так, приводя «несколько более или менее существенных советов», идущих со стороны махистов, авторы отделяются следующим замечанием:

«Принципиальность и глубокомысленность этих требований слишком (?) очевидна. Но особого внимания заслуживает легкость вычисления. Махист не слишком любит утруждать свои (допустим, наличные) мозги ни измышлениями теории, ни даже (1) запоминанием фактов. Его идеал — Обломов. И вся роль ученого (подч. мною. — Б. К.) с его точки зрения заключается в облуживании Обломова. Его задача — стенографически, одним знаком записать кучу фактов. Естественно требовать, чтобы на запись такого знака требовалось меньше времени, чем на перечисление (подч. автором) всех фактов, и чтобы Обломову было легче разобратся в этом значке, чем в таком перечне» (стр. 197). Очевидно это рассуждение, по мнению авторов, является доказательством того, что «мир идей, царствующий над действительностью, недостижимый в своем великолепии и характерный убожеством мысли своих пропагандистов» (там же), разоблачен авторами как жульничество лентяя, который придумал идеализм только для того, чтобы оправдать свою лень. Словом, вместо глубокого классового анализа авторы сами в своей критике занялись «скольжением по поверхности». Далее, говоря о трудностях, возникающих при установлении формы параболы в соответствии с конкретным анализом явлений, авторы замечают: «Глубокомысленно кивающим на эту трудность подырают от философии (махизма. — Б. К.) мы можем снова напомнить... слова Маркса» (стр. 419).

Итак, махизм, оказывается, есть только обломовщина в науке, лодырничание от философии, скольжение по поверхности.

Нетрудно установить, откуда у авторов берется подобное неправильное понимание махизма. Поскольку, по их мнению, буржуазная наука пытается совершенно отказать от ана-

лиза существа явления и заменить этот анализ анализом поверхности явления, поскольку авторы чисто механически превращают махизм как философию этой науки в «скольжение по поверхности».

Идеалистических тенденций и идеалистической основы махизма как непоследовательного лодырничатого беркелеанства (субъективного идеализма), подделывающегося под философию естествоиспытателей, авторы не замечают. Они обнаруживают полнейшее незнание с философскими работами Ленина, хотя в одном месте и говорят, что «идеалистическая сущность пиersonовской философии раскрыта в полной мере и до конца Лениным в известном всем его сочинении «Материализм и эмпириокритицизм» (стр. 395). Но именно в этом «асем известном сочинении» Ленин считает, что «учение Э. Маха о вещах как комплексах ощущений есть основной (подч. мною. — Б. К.) элемент философии махизма», есть характеристика «основных идеалистических посылок эмпириокритицизма» (т. X, гл. I-я). Специально Пирсона, которого разбирают авторы, Ленин неоднократно критикует как наиболее открытого и последовательного среди махистов субъективного идеалиста (см. напр. т. X, стр. 36, 71, 130, 217, 225 и т. д.); и нигде Ленин не объявляет Пирсона, как и вообще махистов-естествоиспытателей, лодырем от философии или от науки. Наоборот, он всюду подчеркивает, что эти профессора, способные «давать самые ценные работы в специальных областях», становятся по-партийному нам враждебными, «раз речь заходит о философии». А партийная враждебность исключает обязательское лояльное лени, ибо в отношении попыток опровергнуть материализм профессор-махисты проявляют самое необычайное и ожесточенное прилежание.

Почему же авторы об этом молчат и представляют дело как раз наоборот? Почему они так уморно обходят партийные вопросы философской борьбы и сводят всю борьбу с махизмом к специально математической, оторванной от философии критике?

Потому, что они очевидно не знают того, что говорил и писал Ленин.

Незнание и игнорирование работ Ленина есть основной порок авторов учебника. Свою борьбу с махизмом авторы ведут не с марксистско-ленинских позиций, а главным образом с позиций вулгарного механицизма. Так, проследившая на протяжении всего учебника основную концепцию авторов, нетрудно обнаружить у них свойственное механистам смешение философского подхода к изучаемой действительности со специально математическим; не умея взять оба подхода в их диалектическом единстве, авторы по существу подменяют теоретико-познавательную установку установкой чисто математической.

Прежде всего эта подмена сказалась в определении водораздела между марксистским «пониманием природы математической статистики и всеми другими». Совершенно очевидно, что марксистско-ленинская наука тем принципиально отличается от науки буржуазной, что она стоит на позиции последовательного, т. е. диалектического, материализма, что она сознательно ориентирована на практику революционной борьбы рабочего

класса и пронизана принципом большевистской партийности. Разумеется, математическая статистика не представляет в этом отношении никакого исключения. Однако авторы держатся другого мнения: они совершенно неверно сводят весь вопрос о водоразделе исключительно к тому, каким способом эта статистика находит форму уровня и какими именно формами уровня она пользуется в своих исследованиях. Таким образом авторы подменяют общую партийно-идеологическую и философскую постановку вопроса постановкой узко-специальной, узко-математической. «Подход к вопросу о форме уровня, — пишут они, — является для всякой математико-статистической работы лапсусовой булавкой. Из него вытекает то или иное понимание результатов этой работы и подход ко всем остальным вопросам. Здесь, как в фокусе, преломляются все точки зрения и здесь же они скреиваются свои шпалы... Именно в нем и лежит водораздел (!) между марксистским, теоретически верным пониманием природы математической статистики и всеми другими» (стр. 333). Но если противоположность марксистско-ленинской науки науке буржуазной сводится только к вопросу о форме уровня, то авторам ничего конечно не стоит «разбить» глупенького махиста, да к тому же еще и лентяя; для этого необходимо только подыскать такую кривую, которая никак не уложится в уровни, называемые авторами «махистскими»; тогда, следовательно, махизм будет бит. Авторы соответствующую кривую конечно находят и пишут: «График этой функции представляет собою «ужасную» картину чертежа 11. И пусть махист попробует уложить его в какую-нибудь параболу» (стр. 336).

Словом, махизм уничтожен при одном только «виде» кривой!

Далее, авторы ошибаются, когда считают, что достаточно стать на путь предварительного специфического анализа, чтобы тем самым признать явление существующим объективно.

При этом авторы пользуются таким вычурным языком, что с трудом удается уловить смысл их рассуждения.

«Что касается махиста, — пишут они, — то он ничего не должен знать о коллективе, лежащем перед ним. На путь предварительного анализа материальной природы этого коллектива он стать не может. Путь этот — путь абстрактной (?) теории — означает признание объективного существования (подч. мною. — Б. К.) явлений и их связей каких-то (?) «определяющих» свойств и т. д.» (стр. 197).

Таким образом у авторов выходит, что если ученый является махистом, то он вообще не может заниматься предварительным «специфическим» анализом явления, и, очевидно, наоборот, если ученый занимается «специфическим» анализом, то он, следовательно, уже по одному этому не может быть махистом.

Однако еще в пятой главе «Материализма и эмпириокритицизма» Ленин вскрыл, как махисты-физики, пронодя специфический физический анализ явлений, в то же время в области философии скатываются на идеалистические позиции; так что специфический анализ сам по себе вовсе не является гарантией от скатывания в идеализм.

Таким образом, критикуя махизм, авторы совершенно игнорируют гносеологическую по-

становку вопроса, хотя и говорят например о «познавательном значении уровней» о «логической», теоретико-познавательной стороне теоремы Бернулли и т. д., очевидно не отдавая себе ясного отчета в том, что означают эти слова.

Более того, они пытаются, по существу, свести гносеологию полностью, грубо и непосредственно к математике, механически перенося все, что касается идеализма как философского течения непосредственно на специально математические построения махистов-статистиков. В годой математической формуле они пытаются непосредственно обнаружить наличие идеализма, доказывая, что «классическая теория статистики» пронизана «сверху донизу идеализмом».

Разберем один характерный пример, дополняющий учение авторов о «водоразделе». Допустим, что из ряда отдельных измерений, значение которых мы обозначим через u , мы вывели некоторое среднее их значение.

Далее, для того, чтобы найти значение коэффициента, связывающего u с x , мы можем прикинуть к так называемому «способу наименьших квадратов», оперируя с квадратами абсолютной разности между u и x .

Авторы решили обнаружить идеализм непосредственно в том арифметическом способе, посредством которого вычисляется эта разность.

Они пишут: «§ 15. $u - u$, а не $u - u_x$. Это — заглавие. Далее мы читаем:

«Выше мы писали отклонение в виде $u_x - u$. Между тем общепринятым является обратный способ $u - u_x$. Совершенно ясно, что для математической стороны способа наименьших квадратов это никакой роли не играет (подч. мною. — Б. К.), так как $(u_x - u)^2 = (u - u_x)^2$. Однако распространенность писания отклонения в виде $u - u_x$ весьма характерна с философской стороны и связана с зашкварным во всем деле вопросом, что от чего отклоняется. Для нас конечно не «действительность» (u) отклоняется и искажает «идею» (u_x), а наоборот — «идея» как продукт мышления не учитывает всего многообразия «действительности», упрощает ее и в меру этого отклоняется от нее. Не мышление (u_x), определяет, лежит в основе бытия (u), а наоборот, бытие (u) лежит в основе, определяет мышление (u_x)» (стр. 295).

Таким образом и бытие и мышление, по мнению авторов, могут быть выражены математически через соответствующий « u » с индексом или без индекса, а вопрос о примате того или другого решается исключительно на основе того, в каком порядке производится арифметическое действие: стоит только переменить знаки внутри скобок на обратные, как произойдет автоматически переход от материализма к идеализму! Но удивительное всего, что согласно взглядам авторов выходит, что в квадрате материализм совпадает с идеализмом! И все это выдается за марксистскую истину, за окончательное решение вопроса в последней инстанции!

Однако эти рассуждения показывают, что авторы совершенно не поняли сути диалектического материализма. В своем увлечении внешней количественной стороной явлений они пытаются «возвышеннейшим» во-

прос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию (Энгельс), представить в виде плоского противопоставления двух чисел со знаком + и —.

И немудрено, если при таком понимании различия идеализма и материализма авторы, сами того не замечая, могут попасть на удочку того же махизма. Так, не умея правильно, материалистически (по Ленину) выразить соотношение между понятиями причинности, с одной стороны, и функциональной и коррелятивной связи — с другой, авторы просто смешивают и даже отождествляют функциональность с детерминизмом. «Каждая переменная (или «признак»), — пишут они, — определяется целого большим или меньшим количеством своих аргументов... И как только все эти аргументы имеют какие-то определенные конкретные величины, так и наша переменная приобретает под их воздействием (?) определенную величину. Коротко: она является функцией величин всех своих аргументов. Иначе не может и быть. Детерминизм является неотъемлемой составной частью материализма» (стр. 276, подч. мною.—Б. К.). Понятие материалистической переменной путается здесь у авторов с понятием материальной вещи, могущей оказывать воздействие на другие вещи, а понятие функциональной связи между переменными величинами — с причинной связью между вещами и явлениями. Подобная путаница только наружу махизма.

Авторы пишут: «Изменение величин любой переменной происходит не по прихоти случая (?) и не по воле какого-нибудь высшего существа, а благодаря воздействию (?) на данную переменную ряда других переменных или (!) благодаря свойствам, заложенным в конкретной природе того самого явления, к которому она относится (или благодаря тому и (?) другому)» (стр. 407—408).

Таким образом получается, что математическая зависимость между переменными (обозначаемая авторами неправильно как «воздействие») может или вообще заменять собой реальные связи, «заложенные в конкретной природе самого явления», или же существовать наряду с ними. Тот факт, что математические отношения только отражают количественную сторону реальных отношений, существующих в действительности (о чем писали Энгельс и Ленин), этот факт совершенно игнорируется авторами, что приводит их к ряду прямых недоразумений.

Например, как быть тогда с теми функциями, аргументом которых является время? Ведь если не установить правильного соотношения между понятиями аргумента и функции, с одной стороны, причины и действия — с другой, а тем более, если отождествить эти понятия, то естественно напрашивается вывод, что как будто время само по себе является причиной всех изменений, количественная сторона которых (напр. в динамических рядах) выражена как функция от времени.

Но для того, чтобы избежать подобного вывода, авторы даже не пытаются опереться на работы Ленина и Энгельса с тем, чтобы уяснить себе различие понятий функции и причины; они только нагромождают новые термины (аргументы в «одном» и «другом» смысле, «непосредственная» функция и т. д.), чем еще более запутывают вопрос: «...Время

само по себе еще не есть аргумент в том смысле, в каком этот термин был употреблен в главе IX, — пишут они. — Всякая меняющаяся во времени переменная приобретает в каждый данный момент свою определенную величину не потому, что прошло такое-то и такое-то количество времени. Она приобретает свою величину благодаря тому, что имела (!) некую величину в непосредственно предшествовавший момент и менялась (!) с известной скоростью.

Ничего удивительного нет поэтому в том, что анализ явлений не посредством «пикогда» не дает нам этого явления, как функцию времени» (стр. 419—420, подч. авт.). Итак, почему же меняется величина переменной? Потому, что она, во-первых, есть величина и, во-вторых, потому, что она меняется. Таким образом вместо объяснения получилась тавтология.

Между тем совершенно ясно, насколько опасна путаница в области таких понятий, как причина и функция.

Как раз в связи с этим чрезвычайно замечательно звучит слова Маха: «Взаимная зависимость элементов друг от друга гораздо полнее и точнее выражается понятием функции, чем столь мало определенными понятиями, как причина и действие... Для моих потребностей и целей я заменил это понятие (причины) понятием функции, чувствуя «все недостаточность обычных понятий причины и действия и ненужность их в сравнении с понятием функции» («Познание и заблуждение», стр. 283—284.—Разрядка Маха). Как раз по этому же поводу Ленин разоблачал махистов:

«Действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания (подч. мною.—Б. К.) причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле, а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины и т. п.» (т. X, стр. 129).

И Ленин добавляет, что «понятия порядок, закономерность и т. п. могут быть выражены при известных условиях математически определенными функциональными отношениями» (там же. Подч. мною.—Б. К.). Почему же авторы в своей борьбе с махизмом игнорируют эти слова Ленина?

Далее, если бы авторы исходили из диалектико-материалистической установки, они смогли бы дать действительно правильную критику понятия «ложной» корреляции, введенной Пирсоном, а не рассуждать туманно в том духе, что «пирсоновское различие «ложной» и «истинной» корреляции представляет собой естественный продукт автократической (?), а потому и бесконтрольной (?) деятельности человеческого духа» (стр. 395).

Идеалистическую установку «верных учеников Пирсона» авторы характеризуют следующим странным, ничего не поясняющим образом: «Итак, исследователю предлагается соблюдать осторожность: коррелировать коррелируй, но гляди в оба» (стр. 393). И хотя никакого решения вопроса в учебнике не дается, тем не менее сами авторы и

авзаде «разрешение противоречия» заявляют, что «в свете диалектического материализма оно (противоречие.—Б. К.) не существует» (стр. 398).

Наконец такую же попытку, как и с математизированием вопроса о первичности сознания или материи, с переносом его из плоскости гносеологии в плоскость чисто математических формул, авторы делают и в отношении других теоретико-познавательных проблем.

Известно, что махизм проповедует принцип «экономии мышления» или, скажем, принцип «удобства». Авторы пытаются интерпретировать эти принципы математически, исходя из своего тезиса, что махизм есть философия обломовщины.

Так, говоря о грубом эмпиризме сглаживания, они приводят на стр. 418 сложную математическую формулу, которая должна показать, что «самая постановка задачи о сглаживании есть не что иное, как задача нахождения некоего оптимума между запоминанием всех изменений данного ряда и стремлением уложить это запоминание в какие-то простейшие удобные рамки».

При этом авторы считают, что отдельные части формулы измеряют «как бы трудность запоминания» или дают «как раз уменьшение трудности запоминания», а максимум в целом всей величины соответствует случаю, когда сочетается «то и другое оптимальным образом». Поэтому «наиболее ленивому из эмпириков» незачем-де ломать голову над опытным материалом, а достаточно подставить (в формулу) найденные значения, и он сразу найдет самую удобную и легкую для запоминания параболу; иначе говоря, благодаря этому он сумеет максимально сэкономить свое мышление. В этом авторы и видят «все убожество мысли махизма».

Итак, математический эквивалент философскому принципу «экономии мышления» установлен с аптекарской точностью. Как в выше-разобранных, так и в этом вопросе основная беда авторов — незнание ленинских работ.

«Принцип экономии мышления», — пишет Ленин, — если его действительно положить в основу теории познания, не может не вести ни к чему иному, кроме субъективного идеализма. Экономнее всего мыслить, что существуют только я и мои ощущения, — это неоспоримо, раз мы вносим в гносеологию столь нелепое понятие» (подчеркнуто Лениным, т. X, стр. 138).

Для авторов же гносеологической постановки вопроса не существует. Весь вопрос они целиком сводят к большей или меньшей трудности или легкости вычисления и запоминания формул.

С другой стороны, авторы явно противоречат себе, когда они обнаруживают у «лодырей» и «лентяев» махистов, напр. у Пирсона, слишком сложные математические построения (см. стр. 158, 279 и др.). Но мы все же считаем, что, несмотря на проявленную склонность к сложным вычислениям, Пирсон ни на йоту не стал меньшим махистом, ибо принцип «экономного мышления» махистами проповедуется как философский, а вовсе не как принцип лени в самом обычном, обывательском смысле слова «лень», как это изображают авторы.

То же относится и к махисту Мизесу, который фигурирует в учебнике, как «чрезвычайно видный теоретик статистики и искусный ис-

следователь в области физической статистики» (стр. 83).

Итак, в борьбе с махизмом авторы обнаружили, что работ Ленина они совершенно не знают и что их критика махизма ведется в основном с вульгарно-механистических позиций. Объективно та оценка, которую они дают махизму, является замаскированным его идеалистической основой и служит таким образом известным прикрытием для него, облегчая ему проникновение и закрепление в естествознании.

III

Выясним теперь, как авторы относятся к борьбе на два фронта и как они проводят эту борьбу на деле в своем учебнике.

Прежде всего установим, что именно авторы понимают под борьбой на два фронта. «В задаче составителей настоящего курса, — пишут они, — входила борьба на два фронта: против буржуазной методологии и фетишистического использования математики и против недооценки ее роли в советско-экономической науке» (стр. X).

О механистах — главной опасности, и меньшинствующих идеалистах — ни слова.

В предисловии после огромнейшей цитаты из работы Энгельса авторы добавляют от себя шесть строчек, в которых дают весьма нечеткую критику позиции т. Бухарина с тем, чтобы далее забыть об этом на протяжении всего учебника. «Такое (Энгельсовское.—Б. К.) понимание случайности, — пишут они, — необходимо противопоставить... бухаринскому эклектизму, заимствующему у механистов субъективность случайности, а у Кур-Плеханова ее понимание как пересечения различий (?) причинно-следственных рядов» (стр. XIII). Однако на стр. 82 авторы заявляют, что «для тех, кто (?) стоит на точке зрения формальной логики», возможно «избежать субъективности... и достигнуть объективности» (подч. авт.) определенная вероятность... «лишь при том непререкаемом условии, что известны все обстоятельства, при которых возникает данное событие. Иными словами, — добавляют они, — когда случайное исчезает и возникает необходимое». Следовательно, авторы обнаруживают в данном случае, что в их понимании категория случайности носит именно субъективный характер, ибо случайное исчезает, когда нам известны все обстоятельства, обуславливающие данное явление. Таким образом авторы сами скатываются на позиции тех самых механистов, с которыми они как будто собирались бороться. В целом же установить взгляды авторов на проблему случайности и необходимости совершенно невозможно, ибо они попросту избегают дать ясную и четкую формулировку своих собственных взглядов, стремясь или спрятаться за цитату из Энгельса или же отделиться общими словами насчет применения метода диалектического материализма.

То же самое получается у авторов с попыткой разоблачить ошибки т. Гессена, пропагандирующего идеалистические взгляды Мизеса. Совершенно не замечая, в чем махистская суть учения Мизеса, авторы абсолютно не понимают и сути гессеновских ошибок в части некорректного отношения к Мизесу.

Известно, что Мизес определяет вероятность как «предельное значение, к которому приближается относительная частота появления при-

знака в последовательности наблюдений, при неограниченном продолжении опытов» (Мизес). Тов. Гессен считает, что подобное определение вероятности носит вполне объективный характер.

«Что же касается до определения вероятности,—пишет он,—то, в построении Мизеса, оно получает вполне законченную формулировку, имеющую об объективное значение».

Принципиально определение вероятности Мизеса вполне соответствует например определению шара. Подобно тому, как в опыте дан не шар, а его физическое подобие, так и в случае вероятности реально в опыте даны не значения пределов, а частости. Вероятность является таким же предельным значением частости, как геометрический шар предельным случаем физических шаров» («Естественнонаучный и марксистский» № 1, стр. 47, 1929 г.).

Однако дело обстоит вовсе не так, как это представил т. Гессен. Действительно, поскольку вероятность отражает собой некоторое свойство реального предмета, присущее этому предмету объективно, независимо от того, ставим мы эксперименты или нет, постольку и определение вероятности должно носить объективный характер именно в том смысле, что должно основываться на природе самого предмета, как существующего вне и независимо от нашего сознания и лишь отображаемого нашими ощущениями. Этого-то как раз и нет в определении Мизеса; наоборот, его определение носит резко выраженный махистский характер. В самом деле: частость, посредством которой Мизес определяет вероятность, возникает только в результате нашего опыта (например бросания кости или монеты), при чем, в зависимости от нашего желания, мы можем поставить то или иное число наблюдений. Поэтому частость не может быть представлена отдельно и независимо от субъекта, производящего эксперимент. Определять вероятность только как предел частоты, значит скатываться к признанию, что вероятность существует только как предел нашего опыта, значит ставить вероятность в принципиально неразрывную связь с производством наблюдения, делать ее принципиально зависимой от субъекта, т. е. лишить ее значения объективной категории. По этой же причине нельзя проводить принципиального сопоставления между частостями и предметами внешнего мира («физическими шарами»), как это делает т. Гессен. Однако всего этого авторы совершенно не поняли, да и вряд ли могли бы понять, потому что они сами делают по существу ту же самую ошибку, что и т. Гессен, принципиально связывая определение вероятности с производством случайной выборки и противопоставляя вероятности долю, как объективную категорию: «Доля есть свойство генеральной совокупности, независимо от того, производится ли из нее выборка или нет» (подч. мною.—Б. К.),—пишут авторы.—Вероятность же характеризует производство выборки вслепую (гл. III, § 1). Но если так, то в чем же, спрашивается, должна заключаться, по мнению авторов, ошибка т. Гессена, раскритиковать которого они взялись? Им должно быть кажется, что махизм у Гессена заключается в самом примере с шаром, ибо шар, по видимому, очень удобен для того, чтобы скользить по его поверхности, а последнее и есть махизм.

«Прежде всего,—пишут они,—геометрический шар не получается непосредственно как предельный случай физических шаров. Так может говорить только махист, возводящий в принцип скольжение по поверхности явления, отрицающий диалектику познавательного процесса. Геометрический шар есть идея, абстрагирующая известное свойство формы всякого шара, равноудаленность всех точек его поверхности от центральной точки» (стр. 92).

Кстати сказать, это не мешает самим авторам на следующей странице устанавливать аналогию между равновозможностью и понятием прямой линии. Чем же отличается эта аналогия от аналогии Гессена с шаром? Очевидно тем, что по линии нельзя скользить, как по поверхности.

Наряду с основными ошибками механистического порядка в учебнике имеются также ошибки, идущие по линии меньшинствующего идеализма, по линии не критического отношения к Гегелю. Уже в предисловии авторы пишут: «Гениальные страницы, посвященные Гегелем диалектике случайности и необходимости, в учении о сущности, в «Науке логики», следует внимательно процитировать всякому, кто стремится к правильному диалектическому пониманию этой проблемы» (стр. XIII). В другом месте они говорят: «Фетишизация математики получила правильную оценку еще у Гегеля» (стр. XVI) и далее без всяких оговорок цитируют «Феноменологию духа». О необходимости материалистической переработки Гегеля сказано только в одном месте, да и то в самой общей, ничего не говорящей форме: «Гегель первый дал в основном правильный анализ проблемы случайного и необходимого, если, конечно, обернуть (?) материалистически его идеалистические формулировки» (стр. XII).

Последняя оговорка однако не мешает авторам, например в гл. VII, совершенно некритически приводить целый ряд гегелевских формулировок и пытаться с помощью этих формулировок непосредственно обосновать ряд математических положений («зависимость S_i только от X_i , общность вида S_i » и т. д., стр. 187—188).

Наряду с некритическим отношением к Гегелю авторы обнаруживают свойственную меньшинствующему идеализму недооценку работ Ленина. Таков скудный итог попытки авторов бороться на два фронта.

IV

Посмотрим, теперь, как понимается и осуществляется в учебнике единство теории и практики. Прежде всего отметим, что авторы в этом отношении ставят математическую статистику в какое-то особое, абсолютно привилегированное положение и принципиально противопоставляют ее другим отделам математики.

«Математическая статистика является единственным (подч. мною.—Б. К.) мостом, соединяющим математические формулы и теории с практикой» (стр. X). Это положение в корне неверно. Выходит, что инженер, механик, тепло-техник или химик, опираясь в своей практической деятельности на математику, но не прибегая при этом к статистике, не связывают математику с практикой, а витают в области «чистой» науки.

Если в предисловии авторы заявляют, что «при изложении нашего курса мы отнюдь не имеем в виду дать какое-либо собрание рецептов по типу некоторых американских учебников», и что «нашей задачей является сообщение основной установки с целью помочь читателю овладеть методом» (стр. XIV, подч. мною.—Б. К.), то на деле вместо серьезного теоретического разбора проблем математической статистики—на основе единства теории и практики—мы видим у них скатывание к эмпиризму и выхолащивание теории.

Огромным методологическим недостатком учебника является отсутствие в нем теоретического разбора важнейших проблем математической статистики, узкоэмпирическое преподнесение фактического материала с механически приклепанными цитатами из работ Энгельса, Маркса и Гегеля.

Посмотрим например, как авторы справились с «основной методологической проблемой теории вероятностей и математической статистики», которую они видят в «противоречии случайности и необходимости» (стр. XI). Весь разбор проблемы сведен только к голому, сплошному цитированию целого фрагмента Энгельса из «Диалектики природы», которое занимает под ряд полторы страницы (стр. XI—XII).

Вместо действительного применения метода материалистической диалектики в учебнике мы имеем весьма поверхностный подход к определению основных категорий математической статистики; в учебнике встречаются выражения вроде: выбора «наудачу», выбора «вслепую», о «чисто случайном происхождении» различий, о «случайности» в кавычках, о «прихоти» случая, об «элементарных» влияниях, которые авторы к тому же путают с «дурной количественной бесконечностью» и т. п.

Методологическая сторона такой важнейшей практической операции, как случайная выборка, совершенно не выяснена. Просто говорится, что такая выборка существует и что применяется она так-то и так-то (см. гл. V, «Выборочный метод»).

Но особенно слабым местом учебника является трактовка учения о вероятности. Критикуя на словах точку зрения, установленную Лапласом, по которой «вероятность определяется через равновозможность», и основываясь «на нашем суждении, получает субъективное определение» (стр. 82), авторы сами буквально на каждом шагу обнаруживают точно такое же по существу понимание вероятности, как отношения числа благоприятных случаев к общему числу равновозможных случаев (см. гл. IV, V, VI).

Важнейший теоретический и практический вопрос о «динамических рядах» преподнесен авторами в узкоделательском разрезе.

Именно в этом вопросе особенно требовалось применить учение о случайности и необходимости с тем, чтобы методологически вооружить практика, работающего в области например экономической статистики, который должен уловить под оболочкой случайных отклонений в «груде «рыбками» полученных данных, необходимую тенденцию развития, выясняя при этом ее количественную сторону.

С другой стороны, именно в этом вопросе авторам нужно было бы привлечь богатейший

материал, показывающий развертывание социализма если не по всем его участкам, то по крайней мере по важнейшим. Авторы же привели только данные о добыче каменного угля в СССР, и то только с 1924 по 1927 год, просто как сырые факты. Затем данные об урожае табака в САСШ с 1863 по 1911 год и о росте населения в Швеции (1800—1840) и в Германии (1901—1910). Вопрос о темпах в период выполнения первой пятилетки, решение вопроса «кто кого» в СССР, проблема «догнать и перегнать», вопрос о «нравственности развития капитализма», т. е. все эти актуальнейшие вопросы современной действительности, обойденные авторами полностью. Вместо разбора этих боевых в теоретическом и практическом отношении вопросов авторы занимаются узким практицизмом, разбором отдельных технических приемов вычисления, видя задачу статистики в голом измерении.

Но особенно важно было бы для теоретического курса математической статистики поставить вопрос о месте статистики во всей советской экономике, и в особенности о ее роли в деле планирования, что также не сделано авторами.

Разбор вопроса о планировании и о ходе нашего социализма авторы должны были бы связать прежде всего с критикой вредительских установок ряда «советских» экономистов-статистиков, разоблачая влияние этих установок на некоторые партийные прослойки в лице правых уклонистов. Авторы должны были прежде всего показать, как некритически пользовались вождями правого уклона, а также и контрреволюционными троцкистами, статистические данные самого различного характера в борьбе против генеральной линии партии; разоблачить карканье правых и «левых» оппортунистов насчет срыва социализма, которое они «предсказывали» на основании тоже ведь каких-то по-своему истолкованных и фетишизированных статистических данных (разобрав с этой стороны например «Заметки экономиста» Бухарина), широко привлекая для доказательства факты последних побед социализма. На основании всего этого авторы должны были вскрыть общие методологические корни оппортунистических ошибок в отношении неверного использования статистики, противопоставив этому четкую большевистскую точку зрения. Этого мы тем более должны были бы ожидать и требовать от авторов, поскольку среди них имеются коммунисты. Между тем ничего этого в учебнике нет; учебник в основном носит чисто академический характер и чужд партийной заостренности.

Партийные документы, имеющие принципиальное значение для общего теоретического курса, разбирающего преимущественно экономическую статистику, абсолютно не используются. Материалы партийных съездов и конференций по непосредственно затрагиваемым в учебнике вопросам совершенно игнорируются. Работы т. Сталина и в особенности его речь на конференции аграрников точно так же обойдены, тогда как именно эта речь дала бы авторам четкую партийную установку для критики позиции Бухарина, для разбора контрреволю-

ционной теории «устойчивости», обратила бы их внимание на вредительские работы Громана, критика которых выпала из учебника и дана только в предисловии ко второму изданию, хотя т. Сталин в связи с теорией Громана требовал принятия «всех мер к тому, чтобы разгромить и вырвать с корнем все и всякие буржуазные теории, пытающиеся развенчать завоевания Октябрьской революции».

Посмотрим теперь, какую критику дали авторы так называемой теории «устойчивости» или теории «дисперсии». В речи на конференции аграрников т. Сталин дал блестящий образец большевистской борьбы с враждебными теориями и показал, как надо разоблачать классового врага, скрывающегося за ширмой якобы «научных» теорий. Казалось бы, что, следуя примеру т. Сталина, авторы должны были разоблачить указанную выше теорию и опровергнуть с точки зрения общепартийных установок всякие антинаучные теории Громана и К^о, опираясь при этом на практику революционной борьбы рабочего класса, в особенности на практику социалистического строительства последних лет. Однако авторы предпочли другой путь. Начиная они со следующего многообещающего заявления: «При критике этой теории устойчивости, к которой мы переходим, испытываешь настоящие затруднения от обилия возражений» (стр. 430).

Среди этого «обилия» мы находим общие выражения, вроде «насквозь идеалистична», «насквозь метафизична», «сравни идеализм Платона» и т. д. В основном же критика авторов бьет мимо цели, ибо она направлена на малосущественные, второстепенные стороны разбираемой теории, а не на ее реакционную сущность. Так например, авторы многословно останавливаются на вопросе о том, могут ли быть величины ряда представлены в виде отношений (дробей) и откуда берется в этом случае знаменатель (стр. 431).

Не разяснив по существу как следует этого вопроса, авторы продолжают критику в том же духе:

«Даже в тех случаях, — пишут они, — когда наши числа могут быть отнесены к чему-нибудь (?), остается открытым вопрос, к чему именно их следует отнести. Почему родившиеся были у нас отнесены к численности всего населения? Ведь правильное было бы считать здесь «испытанием» не вообще живущего человека, который может либо родить, либо не родить, а женщину. Или еще лучше — женщину взрослую, или еще лучше — брачную пару» (там же).

Конечно, подобное беззубое и просто несерьезное рассуждение, направленное против модной буржуазной теории, совершенно не разоблачает сути этой теории, а потому на деле не борется с ней, а прикрывает ее.

Точно так же совершенно непонятно, почему авторы не могли привлечь в качестве материала для V главы данные о ходе коллективизации последних лет; что же касается более раннего периода, то в качестве материала можно было использовать напр. таблицы комиссии СНК о распределении земельного населения СССР по социально-экономическим группам, таблицы, которые привел т. Молотов на XV съезде (XV съезд ВКП(б), стр. 1054). Вместо этого авторы вводят следующее деление, которое исходит из неверных установок Госплана, против чего и выступал т. Молотов: 1) пролетариат, 2) по-

лулпролетариат, 3) мелкие товаропроизводители и 4) мелкокапиталистические хозяйства (табл. № 3, стр. 97, табл. № 10, стр. 108).

Здесь о колхозах — ни звука. От соответствующих же таблиц Госплана эти таблицы отличаются только тем, что две группы — середняцкая и предпринимательская, фигурировавшие в таблицах Госплана, — объединены авторами в одну группу мелких товаропроизводителей. По существу же таблицы авторов ненаучны, ибо, говоря словами т. Молотова, «ясности и марксистской четкости в такой постановке нельзя признать. Скорее здесь оказывается чрезмерно профессорский подход к действительности» (XV съезд, стр. 1233).

Необходимо со всей силой подчеркнуть, что по словам т. Молотова «оппозиция не преминула допустить в этом вопросе неясности использовать для углубления путаницы». Но если уже в конце 1927 г. была дана четкая партийная установка в этом вопросе, то почему же четыре года спустя авторы не только не проявляют необходимой бдительности и не разоблачают контрреволюционных троцкистов, но и сами повторяют прежнюю путаницу?

Наконец укажем, что вся проблема партийности в науке понята авторами исключительно в плоскости того, чтобы покрепче выругать махистов и буржуазных статистиков; ленинское понимание партийности в учебнике отсутствует. Тут же надо добавить, что для учебника в целом характерен весьма схоластический подход к диалектическому материализму, склонность авторов к вычурным и запутанным формулировкам, благодаря чему очень часто смысл фразы с трудом удается уловить. Самая форма изложения и язык авторов не просты и не ясны, как этого требовал всегда Ленин. Крупнейшим недостатком учебника являются также его стиль и тон, отсутствие в нем малейших следов самокритики, легкость, с которой авторы берутся за разрешение труднейших проблем, их категорическая уверенность в том, что все эти проблемы решены ими безошибочно на все 100 проц. «в свете диалектического материализма».

Итак, что же мы имеем в итоге?

Наряду с уже отмеченными выше положительными моментами и достижениями учебника приходится констатировать, что авторы по ряду важнейших вопросов объективно сдают позиции диалектического материализма враждебной идеологии.

Поэтому нельзя согласиться с оценкой этой книги, данной т. Кольманом в докладе на Всесоюзном совещании ОВМД (апрель 1931 г.), где он говорил о том, что «только недавно вышел действительно выдержанный марксистско-ленинский учебник математической статистики» («Под знаменем марксизма» № 3 за 1931 г., стр. 74).

В этом же духе т. Кольманом написана рецензия на данный учебник. В этой рецензии т. Кольман останавливается исключительно на положительных сторонах книги и рассматривает ее в качестве «особого, марксистского, стоявшего на уровне новейших научных достижений учебника», где «марксистско-ленинская методология применена в действительности». Тов. Кольман считает, что авторы взяли «совершенно четкий курс на борьбу против теорий, фетишизирующих математику и

игнорирующих качественный анализ, вскрыв тесную связь их с махизмом и прагматизмом в философии, с фашизмом и вредительством в политике».

«Ставя в развернутом виде узловые методологические проблемы, — пишет т. Кольман, — авторы прежде всего дают анализ основной проблемы статистики: соотношение случайности и необходимости, особенно останавливаясь на противоположных диалектическому материализму взглядах Курно, Мизеса, а также Плеханова, Бухарина и Гессена. Правильная методологическая установка трактовки теории вероятностей выгодно отличает учебник от метафизических концепций, подвергаемых в рецензируемой работе жестокой критике».

Единственным недостатком книги т. Кольман считает только некоторые второстепенные вопросы (название книги, преобладание экономического материала, а также бумагу, обложку, набор).

Таким образом во всей оценке т. Кольмана нет необходимой партийной критики ошибок данного учебника.

С т. Кольманом вполне солидаризируется и т. Яновская, которая считает, что в разбираемом учебнике «мы имеем впервые подлинное осуществление единства теории и практики с марксистской методологией» (сборник «За поворот на фронте естествознания», 1931 г., стр. 39).

Эти односторонне подчеркнутые положительные отзывы сыграли свою отрицательную роль, поскольку учебник не был подвергнут всесторонней большевистской самокритике и внимание авторов не было заострено на его основных ошибках и недостатках. В результате

этого при переиздании своей книги авторами ограничили, как они сами пишут, «лишь техническими исправлениями и небольшими дополнениями и изменениями в отдельных главах» (стр. XXVIII), тогда как за полтора года, прошедшие с момента выхода первого издания, авторы должны были бы в корне переработать свой труд с тем, чтобы он мог стать (а при соответствующей переработке он может и должен стать) во всех отношениях марксистско-ленинским руководством к действию.

В то время, как письмо т. Сталина мобилизует внимание всей партии на защиту чистоты марксистско-ленинской теории от малейших ее извращений, на борьбу против троцкистской контрбанды, на борьбу с гнилым либерализмом, в период особенного заострения партийной большевистской бдительности и непримиримости к враждебным теориям, как раз в это же время выходит в свет второе издание учебника (ноябрь 1931 г.) без всякой существенной переделки после его первого издания, без устранения его методологических ошибок, что ведет не к усилению, а к ослаблению данного участка нашего теоретического фронта.

Учебник должен быть в корне переработан. Как первый опыт коллективного создания нового учебника по линии естественно-математических наук работа авторов должна быть всячески поддержана. Однако ни малейшего либерализма в отношении их ошибок не должно быть проявлено, ибо только четкая партийная большевистская установка и бдительность направят творческую работу по созданию новых учебников по правильному пути.

Ю. МИЛЕНУШКИН

Против вредной халтуры в популярно-научной литературе

Е. М. ЛУБОЦКАЯ. — Как работает мозг. Серия «Наука — трудящимся». Гиз, 1931 г., 71 стр. Тир. 20.000 экз., ц. 75 к.

Механицизм и меньшевистствующий идеализм, показавшие все убожество, беспомощность и несостоятельность своих теорий, время от времени дают о себе знать, пробираясь в область популяризации естествознания. Здесь к сожалению механицисты и меньшевистствующие идеалисты еще не выбиты окончательно из своих позиций, потому что выступления их не всегда встречают планомерный и достаточный отпор со стороны материалистов-диалектиков.

Ярким примером такой откровенной попытки протолкнуть в популярно-научную литературу механистические, антиленинские, антимарки-

стские теории может служить рецензируемая нами книжка Е. М. Лубоцкой, вышедшая вторым изданием.

«Человеческий организм есть машина» — поучает Лубоцкая читателя. «Но эта машина особая» — добавляет автор многозначительно. Она, оказывается, «устроена гораздо мудренее, чем любая, выстроенная человеком». Кем «устроена» эта мудреная «человеческая машина», автор предоставляет разгадать тому малообразованному читателю, на которого и рассчитана данная книжка. Такой читатель отсюда легко сделает вывод, что создателем этой «му-